

ДУХ

— Привет? Уилбур? Это я... ты, — он помахал рукой своему младенческому «я», а затем шагнул немного в сторону. Младенец следил за ним глазами, в этом не было никаких сомнений. — Я — дух тебя. Да. Ты — это я, и я... Дух.

Он больше не мог воспринимать себя Уилбуром, а думал о себе как о духе, которым являлся.

— Когда-то я был тобой... Теперь моя жизнь прошла. И, оказывается, в ее конце тебе достается возможность путешествовать сквозь нее.

Дух широко улыбнулся. А младенец заплакал.

— Прости, — успокаивал его Дух. — Прости, пожалуйста.

Его мать пошла на кухню и вытряхнула содержимое кошелька. А затем, с большой тревогой и осторожностью, она дрожащими руками тщательно разложила все монетки, даже полпенни и фартинги, по отдельным кучкам, чтобы сосчитать. Дух стоял рядом и напрасно говорил ей, что однажды купит ей дом.

— Ох, Джордж, — сказала она тихонько, переполняемая нежностью, — как же мне жаль, что ты не рядом. Как жаль, что оставил меня одну с еще одним голодным ртом.

Она постояла так некоторое время, потонув в эмоциях, а затем снова обратила внимание на Даги.

— Послушай. Я пошла. Вернусь в девять. А ты присмотри за Уилбуром.

— А если он захочет есть?

— Не захочет.

— А если я захочу есть?

— Даги, ты уже поужинал.

— Я ел пюре! А у Джимми Гоуэра будет пирог с мясом и почками.

Эдит вздохнула.

— Повезло Джимми Гоуэру...

Через две минуты после того, как Эдит вышла из дома, Дух наблюдал за тем, как его брат пытается справиться с плачущим младенцем.

— Погоди-ка, Уилбур, — ласково сказал он малышу. — Сейчас я тебе кое-что покажу.

И он с топотом взбежал по узкой лестнице. Дух оглянулся и увидел ботинки Даги на кухне: у одного отошла подошва, а кожа потрескалась и была вся в пыли.

Через несколько секунд Даги аккуратно спустился по лестнице с игрушечным поездом, не очень надежно придерживая головной вагон и три задних, а два посередине покачивались в воздухе.

— Знаешь, что это?

Дух смотрел на растерянного маленького себя.

— Это «Герцог Глостерский»! Величайший поезд всех времен! Трехцилиндровый пассажирский экспресс! Первый в мире!

Малыш тихонько вскрикнул и сжал крошечные кулачки, лицо покраснело. Вероятно, колики, но они быстро прошли.

— Не плачь! — сказал Даги. — Все хорошо, честно.

Всю свою жизнь Уилбур думал, что мать на этот поезд просто накопила, потому что, естественно, не мог помнить ни этого дня, ни последовавших признаний своего брата.

— Я раздобыл его в «Редгейтсе»! Это огромный магазин игрушек. Увидел в витрине, потому что он как раз по пути в школу. Я в курсе, что воровать плохо, но еще плохо, когда один маленький ребенок, в отличие от остальных, не получает игрушку только потому, что Адольф сбил его отца в небе. А маме я сказал, что одноклассник переезжает и раздает свои игрушки. Вряд ли она поверила, но разрешила его оставить.

Дух смотрел на свое полугодовалое личико, на широко раскрытые глазки, из которых струилась любовь к Даги и поезду.

— Улыбнулся! — сказал Даги с нежностью, удивившей Духа. — Уилбур, да ты улыбаешься!

Момент прервал громкий стук в дверь, Даги положил поезд на пол, а малыша вернул в кроватку.

— Мигом вернусь, Уилбур! Только узнаю, кто там!

А это был тот, кого Даги ненавидел больше всех на свете.

МИСТЕР ПАРКИН

У двери стоял высокий стройный мужчина в элегантном костюме и с выражением сурового безразличия на лице.

Дух тут же его узнал.

Мистер Паркин, домовладелец.

В те дни ему принадлежали не только все дома на Глоссоп-роуд, но и многие другие. А после окончания войны он повышал арендную плату за уцелевшие здания, чтобы компенсировать убытки от разрушенных при бомбежке. Мать Уилбура считала это крайне несправедливым. Потому что Гитлер не только убил ее мужа, лишив семью кормильца, но теперь даже из загробного мира повышал арендную плату.

И тут младенческое «я» Уилбура в другом конце комнаты снова заплакало, да так сильно, что Дух не сразу уловил пронзительный, но отдаленный свист и механическое пыхтение поезда.

Уилбур слышал стук колес и увидел, как состав остановился на улице позади ничего не подозревающего мистера Паркина. Клубы пара устремились в небо. Это видение было для Уилбура таким же четким, каким невидимым для живых. Но он остался, чтобы досмотреть разворачивающуюся перед ним сцену.

— Мамуля твоя дома? — спросил мистер Паркин.

В его голосе слышалось что-то жутковатое, или, по крайней мере, Дух всегда так это воспринимал. Словно пантера кралась сквозь заросли.

— Нет, она на работе.

На лице Даги читалась дерзость. Дух подумал, каково ему чувствовать себя защитником, будучи еще совсем юным.

— Что ж, настала пятница. Она оставила для меня деньги?

— Кажется, нет, — пожал плечами Даги.

Мистер Паркин поднял брови.

— Тебе кажется, нет. Очень важно, маленький Дуглас, чтобы люди сдерживали свои обещания... А твоя мать, боюсь, очень плохо с этим справляется. Не бери с нее пример. Ведь в Священном Писании так и говорится: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.

— Мне Писание не очень нравится, — сказал Даги с привычным бесстрашием. — Только история о ковчеге ничего. Мне нравится, что Ной спас животных.

— Мне тоже по душе история о ковчеге, — улыбнулся мистер Паркин, и в нем как будто бы на мгновение проступила доброта. Дух, конечно, не помнил его добрым. Он всегда был просто строгим и беспринципным, злобным домовладельцем, но нельзя прожить больше восьми десятилетий и не осознать, что люди — существа сложные. Или что внутри них есть что-то, что противоречит тому, как они воспринимаются внешне. — Мне нравится, что Ной принял вызов и своевременно построил ковчег. Кстати, о своевременности: передай матери, что я — человек щедрый, но моя щедрость имеет предел. И что завтра утром я вернусь... Передай ей, что благотворительностью я не занимаюсь.

С этими словами он развернулся на каблуках и сделал буквально два шага до соседнего дома, в который тоже постучался за арендной платой.

Даги закрыл дверь, Уилбур увидел тревогу на лице брата — девять десятых ярости, одна десятая страха — и ему захотелось успокоить его.

— Все хорошо, Даги.

Прозвучало бессмысленно, даже для духа.